

Перекрестье дорог Саввы Ямщикова. «Известия», 26.08.09

<http://www.izvestia.ru/culture/article3132304/>

Перекрестье дорог Саввы Ямщикова

[Гузель Агишева](#)

21 июля в поезде Москва-Псков был один скорбный вагон без случайных пассажиров. Все его обитатели [ехали на похороны Саввы Ямщикова](#). И в Пушкиногорье, в Святогорском монастыре во время заупокойной литии, взгляд постоянно натывался на узнаваемые лица - Валентин Фалин, Игорь Золотусский, Валентин Курбатов, Вадим Юсов, Юрий Назаров... Друзья и единомышленники. Ими он дорожил, [им был предан, их обожал, и они ему платили тем же](#). На сороковины все повторилось: вагон с друзьями, Свято-Георгиевская церковь городища Воронич, которую он восстановил и возле которой нашел последний приют.

При его темпераменте и интенсивности нашего общения мы неизбежно должны были если не поругаться, то повздорить. Он же идеализировал одних и демонизировал других. Мир по Ямщикову делился на друзей-сподвижников и "либерастов". "Так не бывает", - говорила я ему. "Так есть", - отвечал он, с привычным упрямством клоня седую голову набок. И тут же добавлял: "Я вот позвоню такому-то, посмотрим, как они запоют..." - "Не запоют. Этот ваш бугор ничего не сделает. Он сто раз мог прищемить им хвост - у него на это все полномочия". - "Его надо дожать... Он, конечно, не герой, но хорошее от плохого отличает".

Спустя некоторое время звонил либо окрыленный - "А ты говорила!", либо подавленный - "Ты была права, оказался настоящим мерзавцем, ну зачем же было обещать?!"

Представляла, как ходит по дому, тяжело переваливаясь с боку на бок, каждый шаг доставляет боль - "нога, зараза, опять опухла", - что-то ищет в бумагах и не может найти. Поэтому пыталась переключить его на другую волну, спрашивала про жену Валю, хотя отлично знала, что она в Питере, про дочь Марфу. "Да уехала куда-то с подругой", - нехотя отвечал он, не желая переключаться. Вздыхал: "Да-а, в такое время живем... Но ничего, Бог все видит..." Потом вдруг начинал слушать с напряженным интересом и наконец восклицал: "А что? Это может сработать! Ладно, позвоню позже!" И так было всегда, когда возникали ключевые слова: Гоголь, музей Гоголя, Псков, Пушкинский заповедник, Суздаль...

Вместо утренней зарядки читал прессу - от "Завтра" до "Коммерсанта". Считал, что если про начинание не рассказано в газете или по телевидению, битва проиграна, не начавшись. Газеты "Известия" и "Слово", понятно, на особом счету. Наше с ним интервью к юбилею хотел раздать всем друзьям,

закупил сто экземпляров. Весь светился. Где это вы, спросил удивленно и весело, такую фотографию отрыли. На ней Дмитрий Лихачев, Валентин Янин и он.

- Вообще-то, - сказал, - Лихачев ко мне относился не очень. У него были свои люди, которые постоянно что-то там нашептывали. Однажды вызывает: "А вы зачем в командировку за границу ездили?" Да мы же, вскидываю я брови, это сначала с вами обсудили. Что-то, говорит, не припомню. Так я еще вам джинсы и пуловер оттуда привез, ваша знакомая передала!.. "Да? Ну ладно..."

Савва хохочет так, что на щеках появляется румянец. А тут еще я ему рассказала забавный случай. Летела во Франкфурт. Рядом сидят две симпатичные женщины. Одна молодая, балетного вида, другая в возрасте, очень живая и до боли знакомая. Они всю дорогу щебетали и тянули французский коньяк. Когда достала капли и салон наполнился запахом валокордина, та, что постарше, протянула фужер с коньяком: "Выпейте. Когда маме плохо, я всегда ей даю коньяк..." Я вмиг ее узнала: Антонова, директор Пушкинского музея.

Савва развеселился: "Ирина Александровна потрясающая! Однажды я выступал по ТВ и, обращаясь к ней, сказал, что пора, мол, уж погоны-то снимать... Она же жесткая, всегда стоит на своем... Ради красного словца сказал, не подумав..." Говорят, она была вне себя, сказала, что, подвернись сейчас под руку ружье, застрелила бы... Она может. Грандиозная женщина. У нее жизнь не сахар, но по ней ты никогда этого не увидишь. Мы хотя и наезжаем друг на друга, но в душе с большой симпатией".

Выставка, что открывалась в Третьяковке в конце прошлого года, называлась длинно - "Искусство Ярославской и Костромской земель XVIII-XX веков" и подводила черту под 50-летней творческой деятельностью Саввы как искусствоведа и реставратора.

Сегодня уже мало кто помнит сенсацию семидесятых - московскую экспозицию открытого в музеях Ярославля, Костромы, Рыбинска, Солигалича, Углича, Переславля-Залесского целого пласта искусства, портретов работы крепостных мастеров и выходцев из "третьего сословия". Явление миру одного лишь имени Ефима Честнякова, "художника сказочных чудес", как его окрестили в Париже, было откровением. Так что прошлогодняя выставка в Третьяковке - своего рода дежавю.

Савва подъехал к открытию - передвигается с трудом, опирается на палочку... Уселся перед журналистами, отдышался, проморгался под светом софитов, приготовленных к телесъемке и, увидев меня в зале, сказал громогласно: "Гуль, ты каталоги-то взяла? Возьми..." Брат-журналист ринулся к столу. Савва, видя, что мне не достанется, сказал грубовато: "Ну вы чо, господа! Подождите маненько..." Все заулыбались, стали головы

поворачивать - кого это так нежно тут опекают. Он умел мгновенно установить контакт с публикой. Был психологом и артистом. Иногда даже Актером Актерычем, когда затягивал про "либерастов"...

Через пять минут озадачил коллег-искусствоведов заявлением: "Шагал - ничто в сравнении с Честняковым. Несоизмерим в художественном таланте, а уж в человеческом - и говорить нечего. Шагал - продолжатель искусства вывесок, Честняков - философ".

Суэта в связи похоронами, уточняются списки, кто поедет в Псков и дальше. Звонок из солидной организации: "Нам сказали, вы можете помочь с телефонами друзей Саввы Васильевича. Нужен телефон художника Честнякова". Так он умер, говорю. На том конце трубки смятение: "Ка-а-гда?" Да в 1961-м еще.

Выдавался свободный день - ехал в Псков. Звонил подавленный: "Кончали Псков. Надо что-то делать..."

Включила ТВ - идет документальный фильм "Мой Псков", там Савва возмущается гостиничными застройками возле старинных церквей. Молодой бизнесмен рассуждает: "Давайте будем реалистами: кому эти старые памятники нужны, если там не будет гостиницы? Кто туда поедет?" О как! Оказывается, это называется "реализм". "Да-а, вот ж..па! Уйдут старики - кто им возразит? Молодых-то они уже воспитали, все под деньги прогибаются", - сказал кто-то на похоронах. И тут же "телевизионный" Савва упрямо клонит коротко стриженную седую голову и говорит: "Матвиенко сказала, что лучше памятник архитектуры отдать Абрамовичу, нежели он разрушится. Нет, пусть лучше разрушается. Он еще двести лет будет разрушаться, а Абрамович со своими деньгами разрушит его за два месяца и на этом месте джакузи построит. Не верю я олигархам!"

Все, что связано с Псковом, любой историко-культурной амнезией, переживал как личную драму. "Вот слушай: "Когда не стало родины моей, в ворота ада я тогда стучала: возьми меня!.. А только бы восстала страна моя из немощи своей". Здорово, да? Это Татьяна Глушкова, потрясающая поэтесса... Валя Курбатов замечательное предисловие написал". Тот же Курбатов о любви Саввы к Пскову - "осознавал Псков как нательный крест России, которым она поворачивается к вызовам разгулявшейся цивилизации".

Его похоронили 22 июля, а 25-го Псковская дума обсуждала, присвоить ли ему звание почетного гражданина города. Голосовали тайно: 11 голосов "за", 19 "против". "Ну, ты поняла, да?" - только и сказал бы Савва...

Как-то разговорились "за жизнь". Нет, говорит, в России ни одной иконы, которую бы он не описывал. Так что, смеялся, это его Днепрогэс, его целина

и его космос. Спросила, боится ли смерти, все-таки не на ярмарку, а с ярмарки уже... Я, говорит, о ней думаю... Спросила, какое самое сильное желание. Думала, начнет про свои бесчисленные проекты, а он неожиданно: "Чтобы Марфа поправилась". Посмотрел бы сейчас на Марфу. Как она в одночасье превратилась в рассудительную, въедливую, обстоятельную родную душу. Как вместе с Павлом Пожигайло, председателем попечительского совета ВООПИК, и Игорем Гаврюшкиным, советником губернатора Псковской области, собрала всех его друзей-единомышленников, готовых продолжить начатые дела. Савва был бы доволен.

Возле одинокой Саввиной могилы стояли друзья. Венки пожухли, буйный орешник в лощине поредел, и если встать на цыпочки, отсюда видна усадьба Осиповых-Вульфов в Тригорском, где он так любил бывать. Такое впечатление, что сейчас все о нем. В автобусе, что привез нас к Савве, одиноко лежала на сиденье книга той самой Глушковой. Я наугад открыла и прочла: "Дует холодом в зябкие плечи./ Опускается первый снежок./ Все пространство эпической речи/ Залегло в перекрестье дорог".